

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

КОЛЕСНИЦА ПРИЗРАКОВ

ВОЛШЕБНЫЕ МИРЫ ДМИТРИЯ ЕМЦА

Классная серия фантастики, приключений и фантазии!
Оторвись от реальности!

Дмитрий Емец

Колесница призраков

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142582

Емец Д. Колесница призраков: Эксмо; М.; 2004

ISBN 5-699-08364-2

Аннотация

Однажды пятерка неразлучных друзей собралась в квартире знаменитого археолога Штукина, дедушки парня по прозвищу Дон-Жуан. И как-то так случайно получилось, что разбился старинный кувшин, откуда немедленно вырвался на свободу... воинственный призрак грозного предводителя гуннов Аттилы. Древний дух так разбушевался, что еще чуть-чуть, и началась бы ядерная война. И хоть все пятеро ребят отличаются умом и сообразительностью, справиться с грозным кошмаром им не удастся. Поэтому на помощь ребятам приходит профессор Фантомов – специалист по аномальным явлениям...

Ранее повесть «Колесница призраков» выходила под названием «Охотники за привидениями».

Содержание

Глава I	5
Глава II	30
Глава III	52
Глава IV	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дмитрий ЕМЕЦ КОЛЕСНИЦА ПРИЗРАКОВ

Глава I

ВОТ-ВОТ НАЧНЕТСЯ

Он был призрак.

Он ненавидел.

Ненавидел люто.

Уже много веков он думал лишь о мести. Единственным чувством, которое владело им и при жизни, и особенно сейчас, когда он был мертв, была ненависть. Ненависть помогла ему не раствориться, перешагнув границу миров и пространств. Если бы он только мог вырваться! Он залил бы мир кровью, истоптал бы землю копытами своей конницы, раздробил таранами стены городов, заставил бы людей, этих жалких червей, трепетать перед собой и вновь с прежним ужасом полупшепотом произносить его некогда грозное, но уже почти забытое имя...

А пока ему оставалось лишь ждать, и он ждал, расслабленный и одновременно собранный, как гремучая змея перед броском. Он ждал, пока многовековая преграда, заточившая его, перестанет существовать, и его ненависть сможет наконец вырваться на свободу...

Они называли себя «великолепной пятеркой». Это была компания из пяти подростков – четверо ребят и одна девоч-

ка. Все они по воле случая, а быть может, по указующему персту судьбы жили в одном подъезде.

Их дом стоял в Москве, в черте Садового кольца, и был построен в начале XX века в стиле так называемого «модерна» – с башенками на крыше, узорчатыми асимметричными пилястрами, лепными узорами, арками, в которых еще сохранились петли от когда-то висевших ворот. Уже одного взгляда на этот дом было достаточно, чтобы понять, что с ним непременно должна быть связана какая-то тайна.

И действительно.

Именно здесь, под этой крышей, в начале XXI века суждено было произойти событию, которое по своей важности для мировой истории не могло найти себе равных.

Но познакомимся прежде с нашей «пятеркой».

«Великолепная пятерка» относится к весьма редкому типу компаний, где все пять ее членов удивительно дополняют друг друга, вместе составляя единый организм.

Головой, или точнее мозгами, этого организма является юный гений *Егор Лопатин*. Для него ничего не стоит с закрытыми глазами собрать компьютер, вклиниться в защищенную паролями сеть или собрать сложнейшую радиоуправляемую модель. Когда ему было двенадцать, он сделал робота, который по голосу выполнял около двадцати команд. Мог, например, открыть дверь, включить телевизор или стащить из кухни что-нибудь вкусненькое. Правда, последнюю команду он выполнял чаще всего ошибочно и вполне мог

схватить первую попавшуюся тарелку, а то и жидкость для мытья посуды.

Кулаками компании, ее вышибалой и телохранителем, а отчасти и «отрицательным персонажем», служит брат Егора – Федор . Как и большинство хороших спортсменов, умом Федор не блещет, но тут уж ничего не поделаешь. «И на солнце бывают пятна», как говорит Катя Большакова.

Обоим братьям Лопатиным по четырнадцать лет, они близнецы и похожи как две капли воды. Однако это сходство только внешнее, на самом же деле Егор и Федор разные, настолько разные, что, не будь они близнецами, легко было бы поверить, что одного из них подменили во младенчестве.

Если Егор часами может ковыряться с деталями и чертежами, то его брат Федор смутно представляет даже, как устроена батарейка, и не знает, чем вольт отличается от ватта. Зато Федор уже пять лет занимается в секции карате и недавно сдал на «черный пояс».

В раннем детстве родители одевали и стригли близнецов абсолютно одинаково, но, как только Егору и Федору исполнилось по десять лет, они стали бурно протестовать против такой уравниловки. Вначале они отказались носить одинаковые вещи, потом уже и этого им показалось мало. И вот в одно прекрасное утро Федор взял папину бритву и побрился наголо, а Егор разбил копилку, выгреб оттуда свои сбережения и отправился в институт красоты требовать, чтобы ему сделали пластическую операцию. «Я заплачу! Я не хочу быть

похожим на брата!» – заявил он. Разумеется, никакой пластической операции ему не сделали, а только сказали: «Иди домой, мальчик! Никакой операции мы тебе делать не будем. Можем только дать по носу, чтобы он распух!»

Вскоре братья разошлись и по интересам. Федор записался в секцию карате, а Егор обложился справочниками по электронике, программированию и высшей математике и начал самостоятельно грызть гранит науки.

Кроме братьев Лопатиных, в «великолепную пятерку» входят еще Катя Большакова, Дон Жуан и Паша Колбасин.

Дон Жуан, романтик и музыкант, внук известного археолога, славится своей отвагой, независимостью и непредсказуемостью. Он вполне может среди ночи отправиться кататься на велосипеде, сочинить песню в десять куплетов или забраться на балкон к кому-нибудь из своих друзей. Имеется у него на этот случай даже специальная альпинистская веревка – прочная и крепкая, с завязанными на ней узлами.

Есть в «великолепной пятерке» и своя красавица – Катя Большакова. Правда, ни под один из известных канонов красоты она как будто не подходит, но в то же время присутствует в ней нечто неуловимое, нечто такое, что проявляется в ее движениях и улыбке. И вот это-то в сочетании с неуемной энергией и способностью быть сразу везде и есть, наверное, настоящая красота.

Катя носит стрижку-каре и контактные линзы. Очков она не признает, считая, что они ей не идут. Никто не помнит,

чтобы когда-нибудь видел Катю сидящей на одном месте – для этого пришлось бы связать ее. Да и едва ли в мире нашлась бы веревка, способная удержать эту неукротимую комету.

Иногда, правда, Большакова перестает бегать и на несколько дней затихает, словно вулкан перед очередным извержением. Все эти дни она проводит на диване и жадно глотает книги. Круг ее чтения самый обширный – здесь и классика, и фантастика, и мистика, и любовные романы, и астрология, и книги по искусству, и описания ста крупнейших сражений. Читает она быстро, запоем, по триста-четырееста страниц в день, и все проглоченные книги образуют в ее голове взрывоопасную смесь. И вот в один прекрасный день очередная книга остается недочитанной, а саму Катю будто срывает с места и несет куда-то, она сама не знает куда...

Пятый, и последний, член компании, официально и по полному ритуалу принятый в нее, – Паша Колбасин, личность весьма примечательная. Примечателен же Паша главным образом тем, что может в один присест съесть тридцать котлет и залпом, не отрываясь от горлышка, осушить две двухлитровые бутылки воды.

Разумеется, фигура у Паши Колбасина соответствующая, настолько соответствующая, что это дает ему право с гордостью утверждать, что когда он встает на напольные весы, то их стрелку зашкаливает в область высшей математики. Впрочем, Колбасин не комплексует из-за того, что он такой

толстый. Он давно усвоил правило: если не можешь скрыть недостаток и не хочешь, чтобы над тобой смеялись, выстав-
ляй его напоказ. Именно поэтому Паша любит носить белую
майку с надписью: *«Если хочешь похудеть, спроси меня как!»*
Кстати, маек у Паши великое множество, и все с надписями,
но об этом после.

Однако вернемся к дню, когда все началось...

Тогда на дворе стоял май. День был яркий и солнечный.
Примерно в полдень Паша Колбасин стоял у окна и, жуя
бутерброд, смотрел, как, помахивая сумочкой, к остано-
вке троллейбуса идет Маринка Улыбышева, победительница
предпоследнего конкурса красоты и фотомодель, живущая с
ними в одном подъезде. Хотя Маринка шла, как ходят все
обычные люди – методом поочередного переставления пра-
вой и левой ноги, – но то ли ноги у нее были особенные, то
ли вокруг самой Маринки распространялась какая-то аура,
только Паша Колбасин смотрел на нее неотрывно, с тоской
думая, что она вот-вот скроется за углом дома. «Не успею я
досчитать до пяти, а она уже исчезнет, – размышлял Паша. –
Раз, два...»

Внезапный сильный удар по плечу заставил Пашу вздрог-
нуть.

– Куда это смотрит наша худышечка? Ага, на Маринку!
Кто тебе разрешил смотреть на Маринку? А ну колись: ты в
нее влюбился? Неужели в этой жирной, как у мамонта, груди

скрывается нежное и ранимое сердце? – услышал он голос Федора Лопатина.

Колбасин обернулся. Он ощущал себя как человек, который был на небесах, а его взяли, обвязали веревкой и сдернули с небес на землю. Кроме Федора Лопатина и его брата Егора, в комнате были еще Катя Большакова и Дон Жуан – вся их компания.

– Отвяжись! Ни в кого я не влюблялся, – краснея, пробурчал Колбасин, предпочитавший скорее скрыть правду, чем признать очевидное: то, что он давно и безнадежно влюблен в красавицу Маринку Улыбышеву.

Федор подошел и покровительственно положил ему ладонь на плечо:

– Слышь, Паш, я тебе как друг говорю: забудь ее! Сам подумай: зачем Маринке парень на пять лет младше, да к тому же еще и толстый? Да я съем свои брюки, если она тебя когда-нибудь хоть в гости пригласит!

– Перестань, Федор! То же мне нашелся – язва, летящая на крыльях ночи! – вступился за Пашу Дон-Жуан. Он сидел рядом с Катей Большаковой и перебирал струны гитары.

Паша благодарно посмотрел на Дон-Жуана, которым он всегда втайне восхищался и на которого мечтал быть похожим. Еще бы, хорошо быть красивым и музыкальным! Такие девочкам нравятся. Вот у него, у Паши, нет ни малейшего шанса на взаимность (даже если он будет любить Маринку всю жизнь, а именно это он и собирался делать).

– Отгадайте шараду! Что такое «очищение внутренней пятницы?» – спросил вдруг Егор.

– Загрязнение окружающей среды! – моментально откликнулась Катя.

– Правильно, – вздохнул Егор. – С тобой скучно играть. Ты слишком быстро все отгадываешь.

«Великолепная пятерка» сидела в комнате у Дон-Жуана, которая, равно как и вся остальная квартира археолога Штукина, сильно напоминала музей.

Всю жизнь Штукин-дед увлеченно собирал предметы, относящиеся к древней истории. В его коллекции можно было обнаружить и каменный топор, и фрагмент клыка саблезубого тигра, и костяные наконечники копий, и серебряные украшения II тысячелетия до нашей эры, и глиняные черепки с росписью, и еще многое другое. Коллекция размещалась в стеклянных стеллажах, которые тянулись по всей квартире. Стеллажей было так много, что часть из них пришлось поставить в ванной и на кухне, и это стало предметом шуток Федора Лопатина. «У кого еще в туалете можно рассматривать бивень мамонта и скифский меч?» – спрашивал он.

Тем временем Дон-Жуан взял гитару и, перебирая струны, стал наигрывать романс собственного сочинения:

Ах, сударыня, вы любите графа М.
Не могу я понять почему.

И луной вы любуетесь только затем,
Чтоб луну подарить ему.

Играл он великолепно, бегло, почти не глядя на гриф и на свою левую руку, при этом вслушивался в самую музыку, не спотыкаясь на отдельных нотах, как это делал бы новичок. Он играл и смотрел на Катю, а она, изящно наклонив голову и широко распахнув зеленые глаза, благодарно слушала романс, зная, что он посвящен ей.

Дон-Жуан тоже был влюблен, влюблен в Катю Большакову уже третий год подряд, а это, когда тебе всего пятнадцать, срок немалый. Причем по-своему его любовь была не менее несчастной, чем у Паши Колбасина. Конечно, Дон-Жуан мог встречать и провожать Катю из школы, мог вместе с ней ходить в кино, играть на компьютере, списывать у нее уроки, но при этом чувствовал, что хотя Кате и нравится бывать с ним рядом, сердце ее по-прежнему свободно.

Как только Дон-Жуан за ней не ухаживал! Любая другая девочка, да не только девочка, даже железобетонная стена дала бы трещину и рухнула бы к нему в объятия. Он писал романсы, посвящал ей песни, совершал безумства – но все было тщетно. Он был симпатичен Кате, но не более того: в глубине души ей хотелось чего-то особенного, хотя ни один другой парень и не нравился ей больше Дон-Жуана. Возможно, виной тому были те сотни книг, которые она прочитала,

а возможно, сердце ее пока не пробудилось для любви. Кто знает, кто знает...

Пока Дон-Жуан играл на гитаре, Егор сидел на краю письменного стола и задумчиво щелкал выключателем настольной лампы. Разумеется, в устройстве выключателя для него не было ничего загадочного, но все равно что-то в нем привлекло его внимание. С Гением часто так бывало: он мог заинтересоваться самыми заурядными вещами: краном в ванной, батареей или мухой, ползающей по потолку.

Катя, украдкой разглядывавшая обоих близнецов, решила про себя, что они не так уж и похожи. Движения Федора более уверенные, в правом ухе у него красуется серьга, а короткий ежик на голове выкрашен в ярко-оранжевый цвет. У Егора же прическа была самой обычной, а движения скорее неуклюжими, что особенно бросалось в глаза теперь, когда он стоял рядом с братом.

«Великолепная пятерка» уже довольно долго сидела в комнате без всякого дела, и Федор, самый нетерпеливый из всех, начинал уже маяться от скуки. Он то бросался отжиматься на кулаках, то садился на шпагат, а потом вдруг стал наносить по воздуху удары ногами. Катя, перед которой он главным образом и выставлялся, смотрела на него с неодобрением. Ее совсем не тянуло влюбляться в парня, размахивающего ногами у нее перед носом. Флегматика Пашу Колбасина, мирно жевавшего бутерброд с сыром, это мелькание ног тоже беспокоило, тем более что нередко Федор начинал

делать над его головой «миллиметражи».

– Эй ты, Жан-Клод Как Дам, не разбей витрины! Сам будешь разбираться с моим дедом! – встревожился Дон-Жуан, отодвигая Катю подальше от разошедшегося каратиста.

– Ерунда, я чувствую дистанцию! – самоуверенно заявил Федор. – Вот смотри!

Он подпрыгнул, чтобы сделать вертушку, но в этот момент Паша подавился сыром. Пытаясь отдышаться, резко наклонился и зацепил Федора головой. Каратист не ожидал этого. Он потерял равновесие, и его нога врезалась в ближайший стеллаж. Зазвенело стекло, перегородка рухнула, и коллекция древностей посыпалась на пол вместе с осколками.

На несколько секунд в комнате повисла мертвая тишина, нарушаемая только звуками, издаваемыми подавившимся Колбасиным.

– Ну все, можете писать мне некролог, – обреченно сказал Дон-Жуан. – Теперь меня дед убьет. Посадит голым на муравейник, как это делали ацтеки, закопает в раскаленный песок, как басмачи, или сбросит с Тарпейской скалы, как древние греки.

– Я не хотел!.. Всего какой-то сантиметр! Если бы не этот... Кто тебя просил давиться? А, толстяк, кто? – Федор подскочил к Колбасину и начал его задиристо толкать.

– Отстань, ты что, дурак, что ли? – огрызнулся Паша. Иногда и его всеобъемлющее терпение подходило к концу.

– Это ты мне? Кто «дурак»? Это что, наезд или повод для

драки? – закипел Федор.

– Хватит! Сиди и молчи! – решительно оборвал его Егор. Федор покосился на него и счел более выгодным послушаться. В конце концов виноват-то был он.

Гений наклонился и посмотрел на осколки.. Затем достал из кармана рулетку и замерил разбитый стеллаж.

– Жуан, когда вернется твой дед? – спросил он.

В ответственных ситуациях его голос становился деловитым и решительным. Как и его брат, он немедленно бросался на поиски, но Федор обычно искал виновных, а Егор искал выход.

– Не раньше пяти. Он принимает экзамены, – ответил Дон-Жуан.

– Отлично, тогда мы успеем. Убирайте осколки, а я скоро вернусь, – сказал Егор и куда-то умчался.

– Куда это он? – спросила Катя.

– Наверное, в стеклорезку, – предположил Дон-Жуан.

Он положил гитару на диван, присел на корточки и, отодвигая разбившиеся стекла, стал собирать с пола деревянные части луков, наконечники стрел и бронзовые чеканные украшения. Колбасин, пыхтя, слез с кресла и стал ему помогать, а Катя, зная, что убирать стекла руками – занятие опасное, отправилась за веником.

– Откуда это? – спросила она, возвращаясь и поднимая с пола бронзовый браслет.

– Там же где-то была бумажка... С раскопок могильника Аттилы, – спокойно пояснил Дон-Жуан.

– Ха! А я думал, они из каменного века! – фыркнул Федор.

– Тогда бы они были каменными, а не бронзовыми! – назидательно заявил Паша.

Федор, нахмурившись, уставился на него. Он терпеть не мог, когда его поддавливали.

– Не умничай, Колбасин! Лучше тебя знаю! – пробурчал он.

Дон-Жуан снисходительно посмотрел на каратиста:

– Предводитель гуннов Аттила был одним из самых известных завоевателей. Современники называли его «бичом божьим». Ему первому удалось объединить разрозненные племена гуннов и напасть на Рим.

– А, гунны! Чего-то мы про них проходили! Кого-то они там гасили, ну были типа как татары! – обрадовался Федор, обводя всех торжествующим взглядом. «Ну что, усекли, какой я умный?» – словно говорил весь его вид.

– Очевидно, ты хотел еще добавить, что гунны – кочевой народ из Центральной Азии, – с иронией сказал Дон-Жуан. – В эпоху великого переселения народов они двинулись на запад и в конце четвертого века вторглись в Европу. Возглавляемые Аттилой, они обосновались на берегах Дуная, откуда совершали набеги на соседние земли. В четыреста пятьдесят первом году объединенное войско римлян, готов и франков разбило их на Каталаунских полях в Галлии. Но победа эта

была временной, и, осознавая это, римляне попытались откупиться от Аттилы. Аттила золото взял, но продолжал готовиться к новому походу. Рим бы обязательно пал, если бы не неожиданная смерть Аттилы в четыреста пятьдесят третьем году. Ходили слухи, что Аттилу отравили. Другая тайна связана с его погребением. Вместе с предводителем гуннов по обычаю должны были похоронить награбленные им огромные сокровища. Естественно, могилу немедленно разрыли бы и сокровища украли, поэтому место захоронения держалось в тайне. Чтобы навечно спрятать могильник от посторонних глаз, гунны на время преградили течение Дуная, пустив его по другому руслу. В обнажившемся дне они выкопали огромную могилу, вымостили ее камнями и положили в нее мертвого вождя вместе с несметными сокровищами. Одних золотых украшений было больше тонны, и это не считая множества драгоценного оружия, изукрашенных конских седел и сбруи... Ты ведь это хотел сказать, а, Федор?

– Не выпендривайся! – буркнул каратист. – Если бы мне было интересно, я бы еще больше всякой фигни выучил.

– Послушай, Дон-Жуан, а седла и сбруя в могиле просто так лежали? – спросил Паша Колбасин.

Его богатое воображение нарисовало громадную гору сокровищ, на самой вершине которой, сжимая в окоченевших руках меч, лежит мертвец. «Брр!» – Паша даже содрогнулся от своей мрачной фантазии.

– Нет, конечно. Они были на лучших жеребцах, которые

принадлежали Аттиле. Разумеется, от животных уже остались одни скелеты. Гунны, как и скифы, были язычниками. Они приносили богам кровавые жертвы и считали, что в загробный мир повелитель должен попасть со всем своим богатством, оружием, с лошадьми и любимой женой.

– А любимая жена что, по своей воле шла на смерть? – с ужасом спросила Катя.

– Вообще-то ее не спрашивали, – признался Дон-Жуан. – Когда рабы закончили работы по сооружению могильника, все они, а их было больше пяти тысяч, были убиты. Такова предсмертная воля самого Аттилы.

– Неужели он думал, что смерть рабов сохранит все в секрете? Ведь воины, которые убили рабов, тоже знали, где его могильник, – удивилась Катя.

– Аттила так же рассуждал. Потому этих воинов убили. И тех воинов, которые убили этих воинов, тоже умертвили. Но даже если допустить, что чудом уцелел кто-то из тех, кто знал место погребения, он уже не мог добраться до сокровищ. Изменить течение реки одному человеку не под силу, даже если он отыщет десяток помощников. Но объяснить, почему могила так и не была разграблена в течение двух тысяч лет, нельзя только этим. Дедушка говорит: даже если бы течение и можно было снова повернуть, никто из древних не осмелился бы прикоснуться к останкам Аттилы. Самые отчаянные и бесстрашные вору обходили это место стороной.

– Но почему?

– Точно не знаю, но какая-то причина была. Аттилу боялись даже после его смерти. С его именем была связана какая-то страшная тайна. Говорили, что он продал душу дьяволу, а тот взамен дал ему огромную власть над людьми. Сила убеждения Аттилы была столь велика, что он смог объединить разрозненные и вечно враждовавшие между собой племена гуннов. Воины не задумываясь умирали за своего вождя. Врагов охватывал такой ужас, что они даже меча не могли поднять против него. Говорят, люди падали замертво, стоило Аттиле лишь пристально посмотреть на кого-нибудь.

После смерти его стали бояться еще больше, чем при жизни. С этим связана какая-то непонятная тайна. Более того, через несколько недель после похорон Аттилы племена гуннов спешно снялись с места и сменили кочевье. Страх был так велик, что могильник не трогали почти две тысячи лет. Только лет двадцать назад один венгерский ученый обнаружил упоминание о могильнике Аттилы в греческой летописи, и тогда же начались раскопки. Мой дедушка – как раз специалист по этому периоду, и его тоже пригласили. Вначале они нашли место, где Дунай изменил русло, а потом спустились под воду в специальном батискафе. Под илом ученые обнаружили могильник, а в нем – золотые украшения, оружие, щиты, доспехи, бронзовую посуду и еще много чего. Вместе с Аттилой были захоронены его жены, кони и несколько десятков слуг. Гробница Аттилы, которую удалось поднять на поверхность, была герметично запечатана смо-

лой и абсолютно не тронута временем. Когда ее открыли, то увидели, что лицо Аттилы отлично сохранилось. Злое такое, узкое, с искривленными губами, как будто он знал какую-то тайну и смеялся из гроба. А когда его попытались сфотографировать, оно вдруг в одно мгновение истлело, так что на фотографии получился только череп. Но это еще не все. На другой день фотограф, сделавший снимок, умер при загадочных обстоятельствах, и еще пять человек, которые вместе с дедушкой присутствовали при открытии гробницы, тоже умерли по самым разным причинам в течение года. Скорее всего могилу Аттилы защищало старинное проклятие.

– А твой дедушка?

– Месяца через два его укусила ядовитая змея, но он выжил. Правда, врачи говорили, что при таком укусе шанс выкарабкаться у него был один из тысячи. Но у меня дед везучий. Он думает, что это оттого, что он в церкви родился.

– Твой дед родился в церкви? Как это?

– А так. Это было в тысяча девятьсот тридцать втором году. Тогда утверждали, что бога нет, а храмы закрывали или сносили. Моя беременная прабабка шла куда-то проселком, а тут гроза. Она побежала, выскочила на луг у речки прямо к храму Успения Богородицы. Его через две недели собирались сносить, двери были нараспашку, изнутри все ценное вытащено, и никого нет. Прабабка забежала в церковь, снаружи гроза гремит, молнии полыхают. А тут еще у прабабки

схватки начались. Она испугалась, молиться стала. Одним словом, дедушка так в этой церкви и родился, и теперь ему всю жизнь Богородица помогает.

Раздался нетерпеливый звонок в дверь, и на пороге возник Гений, прижимавший к груди стекла, завернутые в картон.

– Ничего еще не убрали? – возмутился он. – Что я, негр, что ли, один за всех вкалывать?

С приходом Егора разговор об Аттиле оборвался. Паша, Дон-Жуан и Катя стали собирать осколки. Федор принялся было им помогать, но терпения у него хватило ненадолго, и уже через минуту он размахивал зазубренным ножом для жертвоприношений, ворча, что по сравнению с японским мечом катаной это просто фигня с постным маслом.

– Дай сюда, осел! – раздраженно выпалил Дон-Жуан, протягивая руку за ножом.

– Это что, наезд или повод для драки? – пробормотал Федор, но нож все-таки отдал.

Наконец все было собрано, и на полу валялся лишь глиняный кувшин с узким горлышком, закатившийся под стеллаж. Кувшин этот, фракийской или греческой работы, был изрисован мелкими рисунками, а его горлышко залито воском с оттиснутой на нем печатью.

Катя взяла сосуд, собираясь поставить его на прежнее место, но внезапно его нижняя часть, видно, давшая трещину при падении, откололась, и в руках у девушки осталось лишь

горлышко.

– Ой, я не хотела! Он сам! – растерянно воскликнула Катя, с испугом рассматривая глиняные черепки у себя под ногами.

Из разбитого кувшина, змеясь, показался белый дымок, а в следующий миг ребят толкнула в грудь неведомая сила. Настольная лампа в комнате лопнула, стекла в рамах и стеллажах задребезжали, а по всему дому прокатился звук, похожий на торжествующий крик. Все это продолжалось лишь мгновение, а потом затихло. Вздувшиеся шторы опали, стекла перестали звенеть, а люстра – раскачиваться. В комнате оставался лишь удушливый запах чего-то затхлого, от которого слезились глаза и хотелось, зажав нос и рот, выбежать вон.

Ребята, не сговариваясь, придвинулись друг к другу.

– Ни фиги себе... Вы видели? Что это было? Слезоточивый газ, что ли? – пораженный, шепотом спросил Федор.

– Не знаю, – тоже шепотом ответил Дон-Жуан.

– Как не знаешь? Это же твой кувшин! – удивленно уставилась на него Катя.

– Не мой, а из могильника Аттилы.

– А скажи, пожалуйста, твой дедушка в него не заглядывал? – как всегда вежливо, поинтересовался Паша Колбасин.

Присев на корточки, Дон-Жуан удрученно разглядывал глиняные черепки:

– В том-то и дело, что нет. В него невозможно было загля-

нуть, не нарушив печати. Дедушка был уверен, что в кувшине хранятся благовония, которые уже давно высохли.

– Да уж, благовония! Такими благовониями только танки взрывать! – проворчал Федор. Зажав рукой нос, он добрался до балкона и настезь распахнул его.

– У меня идея, – предложила Катя, когда в комнате вновь можно было дышать. – Пусть каждый опишет, что он почувствовал, когда треснул кувшин.

– Начинай ты, – сказал Гений.

– Ладно, – кивнула девушка. – Вначале я увидела, как кувшин трескается. Потом был дым, меня что-то сильно толкнуло и отбросило к дивану. А дальше все то же, что и вы видели: взорвалась лампа, задребезжали стекла, а потом раздался какой-то странный звук. Вот и все! Хотя нет, еще одно добавление: по-моему, вначале был звук, а стекла задребезжали уже потом.

– А о чем ты подумала, когда все это начало происходить?

– Вначале я подумала, что это я виновата, а потом подумала, как странно, что трещины на кувшине появляются еще до того, как он упал, – закончила Катя.

– Теперь моя очередь! – сказал Дон-Жуан. – Помните, нас что-то толкнуло? Я это очень хорошо почувствовал. Если бы меня, например, толкнул человек – это было бы одно ощущение. Если бы толкнуло сжатым воздухом – было бы другое. А этот толчок был каким-то особенным. Ни тем и ни другим, будто меня толкнуло что-то неведомое.

– Чтоб мне пяткой в нос засветили, а ведь он прав! Это было именно что-то неведомое! Помнишь, Егор? – Федор Лопатин потрогал серьгу в мочке уха.

– А? – Гений рассеянно поднял голову. Он сидел у разбитого кувшина и, составляя черепки, разглядывал узор.

– Ты нас не слушал? Что ты там увидел? – спросила Катя.

– Посмотрите-ка сюда. Вот здесь, внизу.

– Похоже на человечков, – сказал Паша.

– А теперь взглядишь, что эти человечки делают. Смотри по кругу, начиная отсюда, с синей черты.

На первом рисунке был человечек на коне, в одной руке он держал копье, а в другой нечто, похожее на сетку с дынями.

– Чувак какой-то. С арбузами. И на лошади, – сказал Федор.

– Это не арбузы, а человеческие головы, – заявил Дон-Жуан, более осведомленный в подобных вещах. – Это пиктограмма – письмо-рисунок. На них изображена вся жизнь Аттилы. Должно быть, рисунок означает, что Аттила был великим воином, убившим много врагов. А то, что он на коне, означает, что он предводитель.

Дон-Жуану было досадно, что не он, а Гений первым обратил внимание на эти рисунки. А ведь кувшин столько времени простоял у него в комнате! Но когда вся квартира полна древностями, очень скоро к ним привыкаешь и перестаешь всматриваться.

– Эту пиктограмму ты верно истолковал, – согласился Егор. – А теперь смотри дальше!

На следующем рисунке тот же человечек скакал на коне, очевидно, предводительствуя войском. На третьем был на пиру. На четвертом – стоял у костра, а напротив него преклонили колена совсем маленькие человечки.

– Это слуги или рабы. Они всегда на рисунках намного меньше господина, чтобы подчеркнуть его величие. Наверное, Аттила совершил удачный поход и захватил пленников, которых обратил в рабов, – объяснил Дон-Жуан.

На пятом рисунке маленький человечек, одетый в тогу, подсыпал в чашу какой-то порошок и протягивал ее Аттиле.

– Его хотят отравить! Кажется, кто-то из римлян или из подкупленных ими слуг! – взволнованно воскликнула Катя.

– Скорее всего так и было. Аттила был главным врагом Рима, и римляне, естественно, пытались от него избавиться, – подтвердил ее догадку Дон-Жуан.

На следующем рисунке Аттила был уже мертв. Он лежал на деревянном ложе, а вокруг с распущенными волосами стояли несколько женщин-плакальщиц. На очередных пиктограммах был изображен обряд погребения с принесением жертв. Пылали костры, и рабы сносили в гробницу военную добычу господина, которая должна была послужить ему в загробном мире. Самым загадочным рисунком был последний. На нем был изображен большой человек со странным длинным лицом, который держал в руке Аттилу и заталкивал его

в кувшин с узким горлышком, в то время как тело Аттилы продолжало лежать на носилках.

– Смотрите, опять кувшин! Похож на тот, что мы разбили, – воскликнул Паша. – Но почему нарисовано, что Аттилу прячут в кувшин? Может, его сожгли, а сюда ссыпали его прах?

– Нет, Аттилу не сжигали. Дедушка же рассказывал, что видел его в гробнице, – покачал головой Дон-Жуан.

– Тогда зачем было рисовать? – озадаченный Паша открыл рот так широко, что в него вполне можно было бросить целый батон хлеба, как бегемоту в зоопарке.

– Кажется, я знаю зачем, – сказал Дон-Жуан. – Дедушка давал мне почитать одну книгу. У гуннов существовал обычай обязательной мести, а убитый царь, видимо, остался неотмщенным. Тот, кто отравил Аттилу, наверное, успел сбежать. Тогда гунны каким-то образом поместили призрак Аттилы в этот сосуд, чтобы он не направлял свою жизненную месть против них. Конечно, это только предположение, но мне почему-то кажется, что все так и было.

Лицо у Кати Большаковой сделалось бледным как мел, и она отшатнулась от черепков, лежащих на полу.

– Разве можно поместить призрак в сосуд? – спросила она.

– Только не спрашивай, как они это сделали. Древние люди обладали многими знаниями, которые впоследствии были забыты, – назидательно заметил Дон-Жуан.

Затаив дыхание, Катя подалась вперед:

– Ты считаешь, в этом кувшине было привидение?

– Другого объяснения я не вижу. Я не могу этого доказать, но уверен, что, разбив кувшин, мы выпустили привидение Аттилы из заточения, – сказал Дон-Жуан.

– И что оно теперь будет делать, это привидение? – спросил Паша, вспоминая торжествующий рев, вырвавшийся из разбитого кувшина.

– А это ты у него спроси. Чего ты у меня спрашиваешь? – пожал плечами Дон-Жуан. – Оно сейчас где-то поблизости, яростное и разгневанное. Ищет своего убийцу, чтобы ему отомстить, а так как убийцы давно уже нет на свете, то оно...

– Будет мстить нам. Ведь правда? Ты это хотел сказать? – тихо спросила Катя.

Сглотнув слюну, Дон-Жуан кивнул. Ребята настороженно огляделись. Шторы раздувались от ветра, а бронзовые наконечники стрел и жертвенный нож в витрине стеллажа никогда прежде не казались такими зловещими.

Внезапный резкий звонок в дверь заставил всех вздрогнуть.

– Кто это? Твой дедушка? – быстро спросила Катя.

– Для дедушки еще рано, да и потом у него ключи, – ответил Дон-Жуан.

Не сговариваясь, все повернулись к Егору – во всех ответственных случаях доверяли именно его решению.

– Думаю, привидение не стало бы звонить, а раз так, то можно открыть, – сказал Гений.

Дон-Жуан подошел к двери и заглянул в глазок. Когда он вновь повернулся к друзьям, лицо у него было ошарашенное.

– Ну кто там? – нетерпеливо спросила Катя.

– Старик из тринадцатой квартиры. И как он только узнал? – озадаченным шепотом ответил Дон-Жуан.

Глава II

ПРИЗРАК АТТИЛЫ

*Трава не должна расти там, где прошел мой
конь.
Аттила*

Едва Дон-Жуан открыл дверь, старик властно отстранил его высохшей рукой с большим перстнем, сияющим красным камнем на указательном пальце, и прошел в коридор. Он был одет в коричневый войлочный халат, расписанный восточными узорами. Черная плоская шапочка закрывала его плешивую голову до самых кустистых бровей.

– Добрый день! Как ваши дела? – задорно обратилась к нему Катя.

Но старик ничего не ответил. Он деловито осмотрелся и при этом вел себя так, словно ребят вообще не существовало, затем, шаркая тапками, направился в комнату. Увидев разбитый кувшин, поднял несколько черепков и, поднеся их близко к глазам, стал разглядывать. Внезапно лицо его перекопилось.

Отшвырнув черепки, старик повернулся к ребятам и, потрясая кулаками, что-то гневно крикнул им на непонятном языке. Потом со всей поспешностью, на которую был спо-

собен, потеряв один тапок и даже не остановившись, чтобы подобрать его, старик выскочил на лестницу и ринулся к себе. Слышно было, как он захлопнул железную дверь и на несколько оборотов повернул в замке ключ.

– Ни фиги себе наглость! – первым подал голос Федор. – Взять вот так припереться, все посмотреть и уйти. И что вы об этом думаете?

– Мне страшно. Откуда он узнал про кувшин? – с суевренным ужасом спросила Катя.

– Загадка природы. Может, он услышал звон разбитого стекла? – предположил Гений.

Катя отбросила со лба волосы. Случайно ей попалось на глаза зеркало в старинной деревянной раме, и, как всякая хорошенькая девушка, она не удержалась и бросила оценивающий взгляд на свое отражение. Но вместо симпатичного лица, столь привычного и тщательно изученного за долгие часы самосозерцания, она вдруг увидела другое – страшное, вытянутое, с раскосыми глазами и безобразным шрамом, проходящим через переносицу. Это лицо, уставившись на Катю, многозначительно и злобно ухмыльнулось и исчезло, а там, где оно только что было, возникло другое, ее собственное – бледное, с расширенными зрачками. Теперь девушка сама не понимала, почему не завизжала – наверное, все произошло слишком быстро и испуг пришел с опозданием, когда все закончилось.

Катя обернулась к ребятам, и те сразу догадались, что ей пришлось пережить нечто особенное. Так часто бывает: попытайтесь сыграть испуг и никто вам не поверит, но в самые важные, решающие моменты достаточно одного взгляда, чтобы все стало ясно. Сердце у девушки билось как сумасшедшее, во рту был какой-то сладковатый привкус, а перед глазами все прыгало.

– На тебе лица нет! – Дон-Жуан подскочил к ней и обеспокоенно схватил за плечи.

– Как нет? Совсем? – Катя в испуге схватилась за свое лицо, нащупала нос, рот и перевела дыхание. В эту минуту нервы ее были так расшатаны, что она готова была поверить во что угодно.

– Ты *его* видела? – догадался Гений.

– *Ego*, – выдавила из себя девушка.

– Ну все! Сейчас я с этим призраком разберусь как мужик с мужиком, – решительно сказал Федор, обращаясь к пустоте. – Эй ты, привидение! Чего ты к нам привязалось? Ты нам должно еще спасибо сказать, что мы тебя выпустили. Катись отсюда и летай!

– Думаешь, оно тебя послушается? – с тревогой спросил Паша.

– Не знаю. Может, и послушается, если, конечно, русский язык понимает. Эй ты, паразит! Что, в штаны наложил?

– Федор, берегись! – крикнул Гений.

Не оборачиваясь, Федор резко метнулся в сторону. Вот

когда ему помогла отличная реакция. Едва не зацепив его, в стену врезалось тяжелое кресло.

– Кто это швырнул? – напружинившись, он повернулся к ребятам, готовый отразить новую атаку.

– Оно с-с-само. Я видел, как оно п-поднялось над п-полом и полетело в т-тебя, – сказал Гений. Он подошел к креслу, на всякий случай чуть пошевелил его ногой и поднял.

– Пропеллера нет, скрытой пружины тоже, – сказал Дон-Жуан, пытаясь пошутить, но вышло у него, мягко говоря, неубедительно.

В эту секунду висевшее на стене коллекционное оружие звякнуло, а тяжелая стрелецкая секира семнадцатого века, сорвавшись с гвоздя, вонзилась в пол совсем близко от ноги сидевшего на диване Дон-Жуана. Еще пять сантиметров, и он остался бы без ступни.

– Елки зеленые! – тихо ругнулся Дон-Жуан, прикидывая, хватит ли у него мужества спать сегодня в этой комнате, где летают кресла и вонзаются в пол секиры.

– Ну, блин, мы и влипли! – мрачно сказал Федор.

– А из-за кого влипли-то? Кто стеллаж разбил? – сказал Паша.

– Не высовывайся, жирный! Тоже мне критик нашелся! – поморщился Федор.

– Главное, не бояться. Я читала, что, когда мы боимся, к привидению переходит наша энергия и оно становится сильнее, – сказала Катя.

Дон-Жуан взял гитару и извлек из нее несколько тревожных аккордов.

– У кого-нибудь есть предложения, что нам делать дальше? – спросил он с таким важным видом, будто у него лично предложения были, но он чисто случайно о них забыл.

– Предложений сколько угодно, – насмешливо сказал Гений. – Чтобы сражаться с привидением, нужно больше о нем знать. Поэтому, Федор, живо дуй в библиотеку и тащи из нее все книги о призраках и об Аттиле, которые найдешь.

– Я и в библиотеку? Что я, с ума сошел, что ли? А если я кого-нибудь из знакомых встречу? Меня же неправильно поймут! – выпалил Федор.

Раньше наш каратист использовал слово «библиотека» исключительно как насмешку, например, когда говорил кому-нибудь: «А не пошел бы ты в библиотеку!»

– Придется тебе все-таки совершить этот геройский подвиг. Без библиотеки нам никак не обойтись, – твердо произнес Гений, и Федор вздохнул, сообразив, что ему не отвертеться.

Пока Федор мчится в библиотеку, у нас есть немного времени, чтобы посмотреть, кто еще, кроме наших друзей, живет в четырнадцатиквартирном подъезде старинного дома и вместе с ними попал в эпицентр событий.

В квартире номер один живет Глеб Глебыч Поддувайлов, трубач. Когда он играет на трубе, а делает он это ежедневно после одиннадцати вечера, то так раздувает щеки, что они

загадочным образом превращаются в два помидора, а нос делается точь-в-точь как огурец. Когда Поддувайлов дует в свою трубу, то, как глухарь, не слышит ничего вокруг: ни стука в дверь разгневанных соседей, ни их возмущенных криков. «Ну вот, устроил трубный глас!» – ворчит в таких случаях репетитор Голубков из квартиры номер шесть.

В квартире номер два живет бывший спортсмен-штангист Василий Влобышев, человек серьезный и положительный, работающий ныне барменом-вышибалой в кафе «Полянка». У него большой живот и маленькое чувство юмора. Достоверно известно, что на полу в его комнате лежит штанга, та самая, с которой он когда-то едва не установил мировой рекорд и установил бы, если бы не развязался шнурок. С тех пор Влобышев шнурки люто ненавидит и носит обувь только на липучках. Если же при нем кто-то начинает разговор о шнурках, то из груди Влобышева раздается яростное клочкотание и пудовые кулаки сжимаются, так что говорящий немедленно замолкает. Лучший друг Влобышева Кузьма Хихикин утверждает, что ночью Влобышев берет штангу в кровать и укрывает ее одеялом. Впрочем, скорее всего это домысел, потому что Хихикин и соврет недорого возьмет, а самого Влобышева об этом никто спросить не решается.

В квартире номер три живет пенсионерка Анна Яковлевна Чихун, длинноносенькая, бойкая и любопытная старушонка. Любимое занятие и – даже больше – призвание Анны Яковлевны состоит в том, чтобы распространять слухи и сплет-

ни по подъезду и близлежащим домам. В этой области она даст сто очков вперед телевидению и радиовещанию. Анна Яковлевна знает все: у кого подгорела картошка, кто купил новый музыкальный центр, кто в кого влюбился и кто с кем целовался. К примеру, услышав утром, как Влобышев жалуется, что Поддувайлов мешал ему ночью спать, Анна Яковлевна крадется к Поддувайлову и шепчет: «Сосед-то твой говорит, если ты еще раз поднимешь его среди ночи, он тебе башку оторвет!» – «Подлый завистник! Ничего не понимает в великом искусстве! Ну пусть только сунется, я его партитурой по голове отхожу!» – гудит возмущенный Поддувайлов. Анна Яковлевна кивает, сладенько улыбается и минутой позже все передает Влобышеву. Помимо всего прочего, Анна Яковлевна считает себя очень болезненной и если в какой-то момент не шуршит кому-нибудь в ухо, то лишь потому, что измеряет давление или поплелась в поликлинику делать кардиограмму.

В квартире номер четыре живет Кузьма Хихикин, остряк-самоучка. Он начал шутить в три года, когда поменял местами стиральный порошок и соль, и все шутит, шутит и никак не может остановиться. С тех пор как его отодрали ремнем за первую шутку, прошло много лет. Хихикин вымахал до ста девяноста семи сантиметров, а шутки его остались на том же уровне. Он то измажет перцем мундштук трубы Поддувайлова, то сообщит Влобышеву, что неизвестные злоумышленники планируют похитить его штангу, забросив

через форточку удочку с крючком, то позвонит Анне Яковлевне и, изменив голос, скажет: «Вы Чихун А.Я.? Я дежурный врач из поликлиники. На меня возложили неприятную обязанность сообщить вам, что вашим анализам уже ничто не поможет!»

Любимая же шутка Хихикина, которую он повторяет почти ежедневно – следующая: Хихикин подходит к какому-нибудь малознакомому человеку и сочувственно спрашивает у него: «Ну как она, эта сволочь?» – «Вы о ком?» – удивляется собеседник. «Да о жизни!» – без тени иронии в голосе поясняет Хихикин и вдруг начинает ржать.

В квартире номер пять обитает семья Гавкиных. Муж и жена Гавкины – люди упитанные, с бегающими глазками и быстрыми движениями, внешне очень похожие на сусликов. У них в трех комнатах живут четыре бультерьерихи, щенков от которых Гавкины продают по фальшивым родословным.

В квартире номер шесть проживает репетитор Голубков, любящий рассуждать о Пушкине и Гоголе с такой запанибратской миной, будто лишь сегодня утром с ними завтрак. У него очень удобно одалживаться конвертами, которые достаются ему абсолютно бесплатно.

В квартире номер семь живет художник Емеля Кисточкин. Кисточкин – художник абстрактного направления. Кисти ему скучны. Порой он заряжает краской водяной пистолет и палит из него по ватману, наблюдая, что получится, а порой свинчивает из пустых пластиковых бутылок ста-

тую современной цивилизации. Свои работы он подписывает псевдонимом «Емелиан Кисточки». Самая известная картина Емелиана Кисточки называется «Сохраненный натюр-морт». На ней рядом со стаканом изображен рыбий скелет, причем, по странной прихоти фантазии, из стакана торчат ступни.

В квартире номер восемь живет победительница предпоследнего конкурса красоты, фотомодель Марина Улыбышева. Когда она идет по улице, стремительная, светловолосая, длинноногая, то все без исключения мужчины, приоткрыв рты, оборачиваются ей вслед, а с дороги то и дело доносится визг тормозов и глухие удары столкнувшихся машин. В Марину Улыбышеву влюблены и Поддувайлов, и Хихикин, и Кисточки, да и вообще всякий мужчина, которому довелось пройти от нее на расстоянии метра. Зато у большинства женщин Улыбышева вызывает по непонятной причине жуткое раздражение. Они никогда не преминут в разговоре вставить ей шпильку, но обычно колкости не достигают цели, ибо Маринкина красота вместе с ее же самоуверенностью образуют непробиваемый бронезилет.

В квартире номер одиннадцать обитает грузчик магазина «Парфюмерия» Григорий Головастов. Головастов, или просто Гриша, как его все зовут, человек тихий, робкий и пьющий. От его одежды и волос всегда пахнет мылом и стиральным порошком. Практически единственное развлечение Головастова состоит в том, чтобы, закрывшись в ван-

ной и включив на полный напор воду, распевать во весь голос русские народные песни, которых он знает такое множество, что никогда не повторяется. Еще Головастов – человек немногочисленных, но твердых убеждений. Их у него два: первое, что все беды в мире от женщин, а второе, что водка убивает микробов.

В тринадцатой квартире живет очень странный человек, вполне соответствующий чертовой дюжине на своей двери. Это высокий сгорбленный старик с носом как у коршуна. Кожа на его лице, сухая и желтая, похожа на сухой пергамент, прорезанный сотнями морщин. Невозможно определить, сколько ему лет, должно быть, далеко за девяносто, хотя старик по-прежнему выглядит крепким и сильным.

Никто никогда не слышал от старика ни единого слова и никто никогда не переступал порога его жилища, из которого порой среди ночи доносятся странные скрежещущие звуки и запах не то серы, не то фосфора. Старик все время сидит дома, никому не открывает и выходит из квартиры только два или три раза в год – по пятницам, когда они приходятся на тринадцатое число. Имя этого старика неизвестно, как неизвестно и то, чем он занимается по ночам за запертой дверью.

Два года назад, когда Емеля Кисточкин не был еще абстракционистом Кисточки и даже еще не вылетел из художественного училища, он случайно столкнулся со стариком на лестнице (было это, разумеется, в пятницу тринадцатого)

и, пораженный его необычной внешностью, предложил нарисовать с него портрет. Старик с ужасом отшатнулся и, ни слова не сказав, с необычайной для его лет резвостью метнулся к двери. Позднее Кисточкин не раз вспоминал этот случай и все не мог понять, что в его предложении так могло напугать старика.

Анну Яковлевну Чихун странный жилец из тринадцатой квартиры давно лишил спокойного сна. Безуспешно попытавшись разнюхать о нем по своим обычным каналам, она отправилась с жалобой на него в домоуправление, надеясь хотя бы таким способом получить сведения. Но и из домоуправления она вернулась ни с чем. Оказалось, что там бумаги старика непонятным образом затерялись, а когда все же после долгих поисков отыскались, то обнаружилось, что его имя, фамилия и год рождения – то есть главное, что интересовало Чихун – совершенно расплылись от пролитой на бумагу воды. Анне Яковлевне так и пришлось уйти ни с чем.

В квартирах же номер девять, десять, двенадцать и четырнадцать, не перечисленных в нашем списке, живут ребята из «великолепной пятерки» и их родственники.

Итак, время начало свой неумолимый отсчет с той минуты, как кувшин разбился и Аттила оказался на свободе...

Следующие два дня Егор безвылазно просидел дома – то перед мерцающим экраном компьютера, то за книгами. Дон-Жуан и Федор то и дело бегали в библиотеку, таская для технического гения все имеющиеся книги по паранормальным

явлениям и по истории первых веков нашей эры. Чтобы Егору не читать лишнюю информацию, все книги просматривали Катя и Дон-Жуан и отмечали карандашом основные места.

Колбасин под влиянием пережитых опасностей почти утратил аппетит, зато еще больше влюбился в Маринку Улыбышеву и все время торчал у окна, высматривая ее, а как-то, набравшись смелости, положил ей под дверь письмо с признанием в любви и букет цветов, затем нажал на кнопку звонка и убежал.

– И знаешь, что она сделала? Она прочитала мое письмо, аккуратно запечатала его и переложила вместе с букетом под дверь Гавкиным! – жаловался он на другой день Кате.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Катя.

– Сегодня утром Гавкин вернул мне букет и мое разорванное письмо, а смотрел так, будто бультерьеров вот-вот спустит. Морду, между прочим, обещал набить, если я буду и дальше писать его жене всякую чушь.

– Да ты что? – удивилась Катя. – А разве он не понял, что это письмо Маринке?

– В том-то и дело, что нет! Письмо-то было адресовано «прекрасной королеве»! Я предлагал ей бежать со мной на край света, – вздохнул Паша и разгладил на животе майку. (Обычная Пашина майка с надписью: «*Если хочешь поху-деть, спроси меня как!*» в тот день была в стирке, и Паша надел новую майку, на которой было написано: «*Осторож-*

но! Злой дядя!»)

– Бедняга, не повезло тебе! Женское коварство не ведает границ! – посочувствовала Катя, а про себя подумала: «Ну что тут скажешь? «Злой дядя», он и есть «злой дядя».

За эти два дня грозный призрак Аттилы дал знать о себе еще дважды или трижды. Один раз его силуэт увидел Колбасин, когда возвращался вечером по неосвещенной лестнице. Если в первый день, когда он только появился из кувшина, призрак имел всего лишь лицо, то теперь Колбасин клялся, что видел его шею и плечи, причем на плечах были сверкающие доспехи.

– И что он делал? – допытывался у Паши Дон-Жуан.

– Откуда я знаю? Думаешь, я его рассматривал? Проскочил мимо и дал деру! – сказал Колбасин и для самоуспокоения съел рисовую котлету, которую обнаружил в тарелке на столе у Дон-Жуана.

А ночью призрак появился в комнате у Кати. Нависнув над ее кроватью мрачной молчаливой тенью, Аттила протиснулся к ней в сон... И девушка слышала приглушенные звуки битвы: звон мечей, топот конницы, свист стрел, боевые крики и хриплые стоны раненых. Увидев, как девушка, не просыпаясь, заметалась во сне, призрак беззвучно усмехнулся и склонился еще ниже. Он пытался захватить контроль над чужим сознанием и подчинить себе чужое тело, чтобы оно стало послушно ему, как некогда его собственное, но сознание девушки упорно сопротивлялось. Тогда Аттила вы-

брал другой путь...

Кате снилась широкая, заросшая травой степь. В смятой траве лежали мертвые воины и бродили кони. Всюду валялись щиты, торчали стрелы и обломки копий. Раненая лошадь с жалобным ржанием пыталась встать, но ноги у нее подламывались, и она все время падала.

По степи шел человек средних лет, худой, немного сутулый, с выступающими скулами и редкой, как у азиатов, растительностью на подбородке и верхней губе. Его богатый, с серебряными узорами нагрудник был промят. Смешиваясь с потом, из глубокой ссадины на лбу текла кровь. В воспаленных глазах мужчины пылал неугасимый яростный огонь.

«Куда же он идет?» – подумала девушка и внезапно увидела, что она тоже стоит посреди поля брани и призрак направляется к ней. Она попыталась убежать, но ее ноги словно приросли к траве. Призрак остановился на расстоянии полшага от нее и стал что-то громко говорить на языке, который Катя не понимала. Он словно обвинял ее в чем-то и одновременно что-то требовал. Потом протянул руки к шее девушки и, глядя ей прямо в глаза, стал медленно сдавливать шею. Катя чувствовала, как внутри ее начинает шевелиться холодная, влажная змея ужаса, рожденного его взглядом. Собрав все силы, девушка рванулась. Освободиться из рук призрака она не смогла, но ей удалось проснуться. Она лежала на кровати, мокрая от пота, и тяжело дышала.

Наконец немного придя в себя, Катя пошла в ванную, что-

бы умыться, и тут в коридоре, возле родительской спальни, снова встретила Аттилу, на этот раз уже не во сне. Призрак был виден почти по пояс, а его смуглое скуластое лицо было румяным, как у живого. Несколько мгновений Катя и привидение смотрели друг на друга. Потом губы призрака презрительно скривились, он погрозил девочке пальцем и медленно поплыл по воздуху, удаляясь от нее. Чувствуя себя абсолютно опустошенной, девушка смотрела, как привидение постепенно растворяется в воздухе. Наконец оно совсем растаяло, и только особый душный запах сырости, разлившийся по квартире, не оставлял сомнений, что призрак только что был здесь. Но вот исчез и он, и Катя поняла, что привидение ушло окончательно.

Утром первым делом она отправилась к Егору. Гений уже давно не спал. Книги были хаотично свалены на кровати, компьютер со снятой крышкой процессора стоял на полу, а сам Егор что-то паял, обложившись микросхемами. Катя увидела синеватый дымок, идущий от паяльника, и вдохнула приятный смолянистый запах припоя.

– Федор, я же просил, не мешай! – нетерпеливо крикнул Егор, не оборачиваясь.

– Это не Федор, это я, – сказала Катя.

– Я счастлив, что это ты. Если хочешь, сядь куда-нибудь и почитай, только, умоляю, не стой над душой и не отвлекай меня! – Продолжая работать, Егор махнул ей рукой, что у него, вероятно, обозначало приветствие.

– Я видела Аттилу ночью во сне. Потом встала, а он в коридоре. Мне страшно, я чувствую: ему что-то от меня нужно, – пожаловалась Катя.

– Да-да... – рассеянно откликнулся Егор, и Катя поняла, что он по своему обыкновению все прослушал. – Я тут делаю одну штуковину. Всю ночь не спал, – сказал Гений, выскивая в картонной коробке микросхему. – Сегодня к вечеру все закончу. Тогда и покажу.

Вздохнув, Катя осторожно вышла и закрыла за собой дверь. В эту минуту она пожалела, что Егор не влюблен в нее. Тогда бы он, во всяком случае, был повежливее. Подумать только, привидение ночью едва ее не прикончило, а ему хоть бы хны. Знай паяет свои микросхемки.

«Ну ничего! Вот только влюбись в меня когда-нибудь! Я тебя тогда вдоволь помучаю!» – решила Катя и взглянула на часы. На первый урок она уже опоздала, а еще чуть-чуть – опоздает и на второй. Девушка заспешила было в школу, но на лестнице столкнулась с художником Кисточки, который шел ей навстречу вместе с трубачом Поддувайловым. На лестнице было тесно, и Катя остановилась на площадке, пропуская их.

– Что за картину я задумал! – восторженно говорил Кисточки. – Прелесть что за сюжет! Представь крышку канализационного люка, а к ней посередине привинчен ботинок. Дырявый такой ботинок, ужасного вида, я его у одного бомжа на бутылку пива выменял. И называется все это «Образы

города»! Ну как?

– Ничего, – осторожно откликнулся Поддувайлов. – А где ты возьмешь крышку?

– Сопру где-нибудь! Погружу на свой мотоцикл и подвезу к подъезду, а здесь-то уже втащить не проблема, – махнул рукой Кисточки.

Художник-авангардист не рисовался – стащить крышку канализационного люка и привезти ее на своем «Урале-Соло», переделанном в «Чоппер», для него действительно не было проблемой.

– Слышь, Кисточкин, а вдруг кто-нибудь упадет в дырку люка и свернет шею? – спросил Поддувайлов.

– Да ладно тебе! Что люди, слепые, что ли? – поморщился Кисточки. – Уж скорее от твоей трубы кто-нибудь оглохнет. Кстати, почему ты вчера не играл? Я уже и затычки для ушей приготовил.

Прежде чем ответить, Поддувайлов встревоженно покопился на Катю, мимо которой они в этот момент проходили, но девушка уставилась в окно и сделала вид, что ее занимают совсем другие мысли.

– Ты мне не поверишь, но вчера ко мне приходила тень отца Гамлета или что-то в этом роде! – сказал музыкант.

– Полный атас! – расхохотался художник. – Вот это клево! Почему не поверю – поверю!

Кисточки остановился на площадке у окна и стал рыться по карманам в поисках ключей. Это дало возможность Кате

дослушать их разговор.

– Клянусь, я не вру! – горячо воскликнул трубач, обиженный равнодушием приятеля. – Я расскажу тебе, как все было. Я репетировал на трубе сигнал «к бою!». Ты не мог его не слышать. Раньше его играли в кавалерии. Вот такой: «Ру-ту-ру-ту-ту!»

– Да знаю я его, знаю. Ври дальше! – поощрил его художник.

– Я сыграл раза два и вдруг слышу запах, вроде кто-то трубку закурил, а потом прямо из стены – клянусь, из стены! – выходит человек. Высокий такой, плечистый, останавливается и смотрит. У меня, естественно, мундштук сразу изо рта вывалился. Он видит, что я не играю, и рукой мне нетерпеливо машет: мол, чего ты остановился? Играй!

«Аттила! Значит, он теперь всем показывается!» – подумала Катя, затаив дыхание слушавшая разговор, но то, что она услышала дальше, заставило ее сильно усомниться в первоначальном предположении.

– И как выглядела эта твоя тень отца Гамлета? В древнем королевском одеянии и в плаще? – заинтересованно спросил Кисточки, невольно заражаясь увлеченностью приятеля.

– Нет, мой призрак был широкоплечий, в красном гусарском ментике и вот с такими усами, закрученными в колечки, а на боку в ножнах у него висела сабля. Я набрался смелости, схватил фотоаппарат и щелкнул, а сегодня утром проявил и вижу, что на фото, кроме стены, ничего нет.

– Понятное дело. А что дальше было с твоим призраком?

– Ничего. Он постоял еще немного и все показывал на трубу, но мне, сам понимаешь, было не до этого, и тогда он исчез, недовольный.

– Напрасно ты ему не поиграл. Единственный, можно сказать, желающий захотел тебя послушать, и тот – призрак, – смеясь, сказал художник. – В следующий раз, будь другом, позови меня. Я сделаю с твоего привидения карандашный набросок и назову его «Портрет единственного преданного слушателя трубача Поддувайлова»... Вот куда я сунул эти дурацкие ключи! Пойдем, я покажу тебе мою новую картину. Называется «Вид лысого человека из космоса в полдень, днем и на закате».

Друзья ушли, а Катя осталась размышлять о том, что услышала. Описание внешности Аттилы и того призрака, что навещал вчера трубача, разительно не совпадали. Чем это можно объяснить? Окончательно запутавшись в предположениях, девушка отправилась в школу.

Вечером, часов в семь, когда родители братьев Лопатиных, надев спортивные костюмы и кроссовки, умчались на пробежку в парк – они считали, что это помогает расслабиться после рабочего дня, – в квартире у них собралась «великолепная пятерка».

Гений решительно смахнул все со стола и выставил большой фонарь, к которому сбоку были припаяны какие-то катушки и схемы.

– А это что за лампочка? – насмешливо поинтересовался Дон-Жуан.

– Это не лампочка! – с обидой сказал Гений. – Это экспериментальный обнаружитель привидений. Но прежде чем объяснять, как он работает, я вам прочту лекцию о призраках вообще.

– Лекторий, значит, открываешь! Ну давай! – фыркнул его брат-близнец и встал на голову, упершись ногами в стену.

– А это еще зачем? – спросил Паша.

– Информация лучше усваивается, когда кровь приливает к голове, – пояснил Федор.

– Вы что-нибудь слышали о психической энергии? – продолжал Егор, не обращая внимания на выходки брата. – Ее вырабатывает каждое живое существо. Психоэнергию можно уловить специальными приборами, а некоторые экстрасенсы видят ее свечение вокруг головы в форме разноцветных нимбов. К старости психоэнергия постепенно растрачивается, и, когда человек умирает, она обычно уже на нуле. Разумеется, никаких призраков в этом случае не возникает. А теперь представим, что существует сильная личность, обладающая огромным запасом психоэнергии, и смерть настигает такую личность внезапно, в самом расцвете сил, причем смерть не естественная, а насильственная – от убийцы, на войне или в катастрофе.

– И тогда возникает привидение! Я поняла! – нетерпеливо воскликнула Катя.

– Не перебивай! Ничего ты не поняла! – рассердился Гений. – Привидение действительно появляется, но далеко не всегда, а, скажем, в одном случае из миллиона или из десяти миллионов. Что-то, сам не знаю что, мешает психоэнергии рассеяться, и возникают призраки. Они по привычке сохраняют прежние очертания тел, хотя тела их нематериальны и легко могут проходить сквозь твердые предметы. Некоторые привидения существуют считанные часы, другие три, девять или сорок дней, но бывают и такие, которые сохраняют ядро своей прежней личности многие сотни лет. Но это, конечно, исключительные случаи. Чтобы существовать так долго, привидению нужно очень сильное чувство, которое не дает ему расстаться с этим миром и поддерживает в нем психоэнергию.

– А что это за чувства? – спросил Паша.

– Самые разные. Например, ненависть, любовь или жажда мщения, – пояснил Гений.

– А психоэнергия у привидений не расходуется? – спросил Федор, продолжавший стоять вниз головой, но при этом внимательно слушавший.

– Расходуется, но постепенно. Я бы на твоём месте на это не надеялся. Если Аттила сумел сохранить свою энергию в течение двух тысяч лет, значит, запас энергии у него огромный. Хватит еще на несколько сотен, а то и на несколько тысяч лет, – сказал Егор.

– Расскажи про свой обнаружитель привидений! – попро-

сил Дон-Жуан.

Егор давно уже ждал, когда его об этом попросят, и с гордостью взял со стола свой фонарь.

– Вы что-нибудь слышали про инфракрасное излучение? При нем, например, не засвечивается фотопленка, но есть у него и еще одно свойство. Инфракрасное излучение позволяет сделать видимым то, что нельзя увидеть при обычном освещении. Мой прибор является мощным источником инфракрасных лучей. Он способен обнаружить привидение, то есть сгусток невидимой психоэнергии. Где бы оно ни пряталось, в луче моего прибора оно появится.

– Вот и хорошо! – сказал Дон-Жуан. – Тогда почему бы нам не найти Аттилу прямо сейчас?

– Ну найдем мы его, а потом? – спросил Паша.

– А потом суп с котом и компот с потрохами, – ответил Федор и, убедившись, что лекция закончена, соизволил наконец встать на ноги.

Глава III

О ТОМ, КАК МОЖНО ИСКАТЬ ОДНО, А НАЙТИ СОВСЕМ ДРУГОЕ

Егор щелкнул выключателем, но инфракрасный фонарь не загорелся. Он щелкнул еще раз – результат был тот же.

– И чего твоя штуковина? Не работает? – разочарованно спросил Дон-Жуан.

– Кажется, я контакт на источнике питания не замкнул, – неохотно сказал Гений, который терпеть не мог признавать свои ошибки. – Нужна отвертка, а она на кухне.

– Давайте я сбегаю! – вызвался Паша и выскочил из комнаты.

– Чего он такой услужливый? Его обычно домкратом с места не сдвинешь! – удивилась Катя.

– Кажется, я догадался. Сейчас дверцей холодильника хлопнет! – прошептал Дон-Жуан.

В тот же миг из кухни послышался звук открываемой дверцы.

– Откуда ты знал? – поразился Федор.

– Психология! – самодовольно произнес Дон-Жуан, поднимая вверх палец.

Вскоре из кухни показался Паша. В одной руке он держал отвертку, а в другой тщетно пытался спрятать большой кусок колбасы, который не смог сразу затолкать в набитый рот.

– Чего это у тебя в руке? – строго, как следователь, спросил Федор.

– Отвертка! – стоически давясь, сказал Паша.

– А в другой?

– Ничего.

– А ну покажи! – потребовал Федор.

Паша торопливо сунул колбасу в карман и показал уже пустую ладонь.

– Его нельзя винить. Он человек несчастный. У него и фамилия колбасная, – заметил Дон-Жуан.

– Да ладно вам, отстаньте от него! – сердито сказал Егор.

Гений взял у Паши отвертку, закрутил контакт и нажал на кнопку.

– Сработало! – сказал он удовлетворенно. – Теперь если на пути луча попадетсЯ призрак, то луч обтечет его со всех сторон, и призрак проявится.

– А, понятно! Помните фильм? Человек-невидимка становился видимым в дождь, потому что его обтекала вода! – сказал Паша.

Егор выключил обнаружитель и осторожно поставил его на стол.

– Боюсь, что батарейки сядут, – пояснил он.

– Разве мы не сейчас идем? – удивился Дон-Жуан.

– Сейчас еще рано, в подъезде слишкомлюдно. Встретимся в час ночи. В это время никого не будет, а уровень психоэнергии привидений ночью повышается.

Ровно в час ночи «великолепная пятерка» встрети­лась на лестнице. Кое-кто из ребят незаметно тер глаза – в конце концов время было далеко не детское.

– Ладно, за дело! – отогнав зевоту, произнес Гений. – Спускаемся на первый этаж и начинаем прочесывание от­туда. Катя идет первой, а сразу за ней я с обнаружителем.

– Почему я первая? – жалобно спросила Катя.

– Ты будешь приманкой. Это самое ответственное дело! – успокоил ее Егор.

– Какой еще приманкой? – подозрительно спросила Катя.

Ее вопрос поверг Егора в смущение. Похоже, он уже жалел, что употребил именно это слово.

– Ну как тебе сказать... видишь ли... э-э... я неудачно выразился, – забормотал он.

– Кажется, я понял. Наш вундеркинд-переросток отвел тебе роль червяка на рыбалке. Ты будешь приманивать Аттилу на себя, потому что именно тебе он показывался чаще, чем остальным, – объяснил Дон-Жуан.

– Эх вы, рыцари! – фыркнула Катя. – Скормят бедную де­вушку привидению, а потом скажут, что так и было.

– Если хочешь, я буду приманкой вместо тебя! – вызвался Дон-Жуан.

– Ну уж нет! – подумав, отказалась Катя. – На тебя Аттила

не клонет. Ты не аппетитный и даже не хорошенький.

«Великолепная пятерка» спустилась на первый этаж. Егор включил обнаружитель, и инфракрасный луч заскользил по недавно окрашенной стене подъезда. Сам луч был невидимым, но в тех местах, куда он попадал, краска начинала едва заметно светиться. Осторожно, держась друг друга, ребята двинулись вперед. Рукой, в которой был зажат обнаружитель, Егор делал быстрые движения, шаря лучом по потолку, стенам, ступенькам и оконным проемам. Не знающее материальных преград привидение могло появиться отовсюду.

Прислушиваясь к ударам своего сердца, Катя шаг за шагом поднималась по лестнице. Она даже вошла в своеобразный ритм: один удар сердца – одна ступенька. Если действовать в ритме, то не так страшно, тем более что совсем близко, всего на расстоянии шага, за ее спиной следовал Дон-Жуан, готовый устремиться к ней на помощь.

Внезапно инфракрасный луч отметил перепады потусторонней активности. На дисплее обнаружителя, который Гений переделал из игрушки тамагочи, появились какие-то цифры, и по изменившемуся лицу Егора Катя поняла, что происходит что-то важное.

– Оно где-то рядом! – одними губами прошептал Гений.

– Где? – так же шепотом спросила Катя.

– В трех-четырех метрах от нас... Скорее всего на этой площадке! Или, может, за одной из стен.

Они поднялись еще на несколько ступенек и стояли те-

перь перед изгибом лестницы. Обнаружитель потрескивал теперь, как счетчик Гейгера, а расстояние на дисплее все уменьшалось.

3 метра... 2,7... 2,2... 1,9... 1,5 метра...

– Осторожно! Биоэнергетическая активность у него просто сумасшедшая! – предупредил Егор. Он повернулся к Дон-Жуану, и тот увидел, что волосы на голове у Гения наэлектризовались и поднялись вверх. «Наверное, у меня то же самое», – подумал Дон-Жуан и, одним шагом преодолев несколько ступенек, оказался рядом с Катей.

Девушка благодарно сжала ему руку. Хорошо, когда рядом с тобой есть человек, на которого можно положиться.

– Считаю до трех и освещаю площадку... – шепнул Генний. – Приготовились... Один... Два...

Внезапно за их спинами послышалось странное клоко-тание. Ребята резко обернулись и завопили. За их спинами, подняв над головой руки, стояло долговязое существо в спортивных трусах и в тапках. Лицо у него было уродливое, ужасного желтого цвета и вдобавок все покрытое шрамами. Из рта монстра торчало два желтых клыка. У ребят перехватило дыхание. Они не могли даже бежать: ведь впереди было привидение, а сзади этот монстр.

Неожиданно монстр протянул длинную худую руку и щелкнул Катю по носу. Катя завизжала, едва не потеряв сознания, а Дон-Жуан, собрав все мужество, заслонил собой девушку.

Дон-Жуану монстр тоже дал щелбана и сказал гнусаво:
– Сайка за испуг!

И тут ребята все поняли. Этот гнусавый, насморочный голос мог принадлежать лишь одному человеку в мире – остряку-самоучке Кузьме Хихикину, имевшему поразительную способность появляться именно там, где не нужно, и тогда, когда не нужно. Хихикин снял с лица резиновую маску и продемонстрировал свое собственное, смахивающее на большую редиску лицо.

– Что вы тут делаете? Колитесь! – потребовал он. Гений взглянул на дисплей и с разочарованием убедился, что призрак удалился.

– Что хотим, то и делаем! Нельзя, что ли? – вызывающе ответил Федор, пряча пульт в карман.

– Не груби старшим! А то уши надеру! – рассердился Хихикин.

– Попробуй! – предложил Федор.

– Хватит, ребята! Перестаньте! – Дон-Жуан миролюбиво протиснулся между ними. – Хихикин, сколько тебе лет, что ты в маске бегаешь? Лет двадцать пять?

– А тебе какое дело? Двадцать шесть! – ворчливо ответил Хихикин.

– Подумать только, двадцать шесть лет! Какая глубокая древность! – театрально всплеснул руками Дон-Жуан. – Значит, когда тебе будет девяносто три года, нам всем стукнет всего-навсего восемьдесят один!

– Ладно, салаги, можете продолжать маяться дурью дальше! А я пойду еще кого-нибудь попугаю! – отмахнулся от него Хихикин.

Он снова надел маску, расправил ее на лице и стал подниматься по лестнице. Он шел и поглядывал на двери квартир, очевидно, прикидывая, в какую квартиру позвонить в первую очередь. То, что все уже спали, видимо, не смущало великовозрастного шутника. «Спросонья они еще больше испугаются», – бубнил себе под нос Хихикин.

– Терпеть не могу эту здоровенную дубину! – сказал Федор, когда хохмач-самоучка скрылся. – Спугнул нам привидение! И где мы теперь будем его искать?

В этот момент сверху, примерно на этаж выше той площадки, на которой они стояли, донесся истошный вопль. Вопль был хриплым, душераздирающим, от него дрожали стекла и кровь стыла в жилах.

– Интересно, кого это Хихикин напугал? Головастова или старика из тринадцатой? – спросил Паша.

– Сейчас узнаем, – сказал Дон-Жуан, прислушиваясь к топоту на лестнице.

Через мгновение мимо них с безумными глазами пронесся Хихикин. На бегу он неловко, как богомол лапками, размахивал руками, в одной из которых была зажата маска. Проскочив мимо ребят, шутник промчался вниз, и вскоре они услышали, как захлопнулась дверь его квартиры. Охотники за привидениями переглянулись.

– Похоже, Хихикина самого основательно напугали, – сказала Катя.

– Аттила? – понимающе кивнул Дон-Жуан. Через плечо Егора он взглянул на датчик и увидел, что расстояние все сокращается.

10 метров, 7... 5... 3 метра...

Привидение приближалось. «Великолепной пятерке» стало не по себе.

– Оно идет сюда! Приготовьтесь, сейчас мы его увидим, – облизывая сухие от волнения губы, сказал Егор и резко направил луч обнаружителя на лестницу.

Но обнаружитель был не нужен. Привидение и не думало скрываться. На ступеньках появились очертания просвечиваемой насквозь высокой широкоплечей фигуры.

Паша заорал было, но вдруг смолк. Федор плотно запечатал ему рот ладонью. Призрак сделал еще шаг, и тут визжала уже Катя. Призрак поморщился: видно, визг был ему неприятен. Чем ближе он подходил к ребятам, тем материальнее становился. Наконец наступил момент, когда стену за его спиной не стало видно, и мужчина выглядел теперь совершенно живым. Казалось, если протянуть руку, легко можно до него дотронуться. Ребята попятились, но уткнулись спинами в противоположную стену.

Призрак остановился в полуметре от них и, миролюбиво протянув вперед ладони, попросил визжащую Катю:

– Сударыня, не могли бы вы сделать небольшую паузу в

ваших воплях? Признаться, я не большой любитель женского визга.

Глава IV

ВЛЮБЛЕННОЕ СЕРДЦЕ

Услышав обращенный к ней мягкий баритон, Катя от удивления перестала визжать и уставилась на призрак. Внешне он абсолютно не был похож на Аттилу. Новый призрак был высоким, плечистым, с уверенным и открытым лицом. Над верхней губой у него красовались роскошные щегольские колечки. Да и одет призрак был не как предводитель гуннов, а скорее как военный начала XIX столетия – в облегающие белые штаны, сапоги со шпорами и красный распахнутый гусарский ментик, из-под которого выглядывала белая шелковая рубашка.

Приветствуя их, гусар щелкнул каблуками. Звякнули шпоры.

– Майор лейб-гвардии Петровского гусарского полка князь Багрятинский! – представился он. – С кем имею честь?

«Великолепная пятерка» нерешительно назвала свои имена. Не представился лишь Гений, который пораженно смотрел то на гусара, то на инфракрасный фонарь у себя в руках. «Невероятно, – бормотал он. – Просто невероятно».

– Приятно, что вы держите себя в руках. Тот чудак в маске, навстречу которому я шагнул из стены, повел себя ина-

че, – сказал гусар.

– Мы знаем... слышали, как он вопил... – сказала Катя и смутилась, вспомнив, что и она сама тоже вопила.

– Вас зовут Екатерина? Позвольте поцеловать вашу ручку. Целовать прекрасные руки – моя слабость.

Гусар шагнул вперед, галантно наклонился и поцеловал девушке руку. Катя не ощутила поцелуя, лишь едва заметное электрическое покалывание в том месте, которого призрак коснулся губами. Сама не зная отчего, девушка покраснела и опустила глаза. Стоявший рядом Дон-Жуан что-то пробурчал и неуклюже, как медведь, стал переминыться с ноги на ногу. Бедного влюбленного грызли муки ревности.

– Премного благодарен, сударыня. Вы меня душевно утешили. Признаюсь, в моем положении каждое новое знакомство – огромная удача, – поблагодарил князь Багрятинский.

– Нет никаких сомнений, это действительно привидение, – вполголоса, словно доказывая что-то самому себе, произнес Егор.

Услышав его слова, гусар пожал плечами.

– Совершенно верно, черт меня возьми! Говоря по сути, я призрак, хотя, признаться, и избегаю думать и говорить о себе подобным образом. Прежде всего я дворянин и гусар, – сказал он.

– Простите, а вы не Аттила? – набрался смелости Паша.

Гусар расхохотался. Хохот у него был басистым и заразительным. Слыша его, сложно было самому не засмеяться.

– Аттила? Неужели я так похож на этого исторического гунна?

– Мы разбили кувшин из могильника и случайно выпустили его призрак, – хмуро объяснил Егор.

Князь Багрятинский перестал смеяться:

– Похоже, дело серьезное. И долго этот бедолага провел в кувшине?

– Почти тысячу семьсот лет... Со дня своей гибели, – сказала Катя.

– Тогда могу себе представить, в какой он теперь ярости, – покачал головой князь. – За две тысячи лет, сидя в кувшине, можно возненавидеть весь мир, тем более что Аттила и при жизни был далеко не ангелом.

Гусар повернулся к окну и посмотрел на темный двор. Глядя на его спину, Катя подумала, что, если бы не свечение, исходившее от его рук и плеч, его ни за что нельзя было бы отличить от живого человека. Словно прочитав мысли девушки, призрак повернулся к ней.

– Ты думала о том, что я похож на живого? – пылливо спросил он.

– Я? Нет... Хотя да, думала... – призналась Катя. Князь Багрятинский улыбнулся.

– Знаешь, что отличает меня от живого? Лишь то, что мое тело давно стало прахом, однако моя бессмертная душа, мои мысли и моя любовь по-прежнему со мной. Каждую ночь я снова и снова брожу по этим улицам и переулкам. Ведь здесь

стоял когда-то ее дом.

– Ее дом? – переспросила Катя. Князь Багрятинский кивнул:

– Это часть моей истории. Ее завершающая, самая грустная часть. Именно по этой причине, полагаю, я и стал призраком, и это же мешает моей душе оставить землю и полететь на встречу с ее душой. Если хотите, я расскажу вам, как я жил и как умер.

– А вам не будет тяжело это вспоминать? Гусар печально покачал головой:

– Какая разница? Разве такое можно забыть? Куда бы я ни шел, что бы ни делал, образ ее неотрывно стоит передо мной. Зачем судьбе было угодно так жестоко разлучить нас?

Внизу хлопнула дверь. Кто-то поднимался по лестнице. Судя по сочным выражениям, которыми сопровождалась каждая новая ступенька, это был жилец квартиры номер одиннадцать Григорий Головастов. Только он мог, ни разу не повторившись, проругаться все восемьдесят четыре ступеньки, ведущие от первого этажа до четвертого.

Князь Багрятинский негромко присвистнул:

– Хорошо набрался! Помнится, был у меня в полку ездовой из ярославских мужиков. Знаменитый был ругатель. Бывало, как начнет кого-нибудь костерить, так все дела бросают и вокруг него собираются. До самых костей пробирал, так пробирал, что даже старые служаки краснели.

Дон-Жуан достал из кармана ключ:

– Давайте пойдём ко мне, а то Головастов сейчас поднимется. Правда, дед дома, но он ночью всегда спит как убитый.

Через несколько минут ребята расположились в комнате Дон-Жуана. Катя присела на диван, Дон-Жуан рядом с ней, Паша лег на кровать, а оба близнеца уселись прямо на ковре, прислонившись спинами к стене.

Призрак неслышными шагами прохаживался по комнате. В начале своего рассказа он ходил медленно, потом все быстрее и быстрее, а под конец уже мотался, как маятник в больших часах... Приводим его рассказ целиком.

РАССКАЗ ПРИЗРАКА

Я из рода князей Багрятинских. Наш род всегда был славен, но невезуч. Не преувеличу, если скажу, что не было войны, на которой не сложил бы голову кто-нибудь из моих предков.

С детства я бредил военной службой и был счастлив, когда родители, уступив моим просьбам, определили меня в гусарский полк. И вот однажды, после весенних маневров, мы квартировали в уездном городишке, и тут, в доме князя К., я впервые встретил этого странного старика.

Его звали Фесандопулос. Это был узкогрудый, сгорбленный грек, похожий на черного ворона. Его кожа ссохлась,

лицо бороздили морщины, и лишь нос обозначался на лице, словно клюв хищной птицы.

Когда я его увидел, Фесандопулос сидел за столом и играл в карты. Играл Фесандопулос небрежно, едва ли не с брезгливостью притрагивался к картам и лишь мельком бросал на них свой потухший взгляд. Однако удача шла к нему, и он безостановочно выигрывал. Возле него возвышалась уже пухлая кипа ассигнаций, вымуштрованный лакей – настоящее изваяние, а не человек – стоял за его стулом и сгребал золотые монеты особой лопаточкой.

Сам же Фесандопулос, казалось, безо всякого интереса относился к своему выигрышу и лишь равнодушно отодвигал локтем кипы ассигнаций, когда они ему мешали.

Вскоре все игроки разошлись, и за карточным столом остался один Фесандопулос. Перед ним горела свеча, лежали ворохи ассигнаций и высились столбики золотых монет. Его потухший взгляд – я вдруг это заметил – был устремлен на меня.

– А вы почему не играете, молодой человек? Не желаете ли попытать судьбу? – услышал я его голос. Он говорил с сильным акцентом человека, выучившегося русскому языку уже в немолодые годы.

Фесандопулос явно бросал мне вызов... И я принял его. Я поставил одну монету и выиграл. Оставил весь выигрыш на столе и выиграл снова. Я бил у Фесандопулоса одну карту за другой. Не прошло и получаса, как все кипы лежащих на

столе ассигнаций перешли ко мне. Меня охватил азарт, и я поверил в свою удачу. Фесандопулос все увеличивал ставку и всякий раз проигрывал.

– Неужели вас не огорчает проигрыш? – спросил я, видя, что передо мною на столе лежит уже целое состояние.

– Отнюдь, – хладнокровно сказал он, – отнюдь. Для меня важен не выигрыш или проигрыш, для меня важны перепады удачи.

Он снял с пальца драгоценное кольцо и положил его на стол.

– Это очень ценный бриллиант – подарок персидского шаха. Я ставлю его против всего, что вы уже выиграли.

– Идет, – согласился я, вынимая из колоды карту. Как сейчас помню, это был червовый валет. Я был уверен, что выиграю, но проиграл – Фесандопулос вытащил пикового туза. В одно мгновение я лишился всего своего новоприобретенного состояния, и даже больше.

– Ну что я говорил? – усмехнулся Фесандопулос. – Удача снова у меня! А теперь, молодой человек, советую вам остановиться. Не рискуйте больше. Ваша удача кончилась.

– Еще! Еще! – воскликнул я, горя желанием отыграться.

– Я не стану больше играть с вами. У вас больше ничего нет. Прежде расплатитесь за то, что вы уже проиграли, – сказал Фесандопулос и попытался встать из-за стола. Но я схватил его за плечо и насильно усадил на стул.

– Я хочу отыграться! Слышите, отыграться! Я готов по-

ставить на кон все что угодно! – крикнул я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.